

Дмитрий Козлов

Юлиане Фюрст. Цветы, пробившие асфальт: Путешествие в Советскую Хип-пляндию. Пер. с англ. И. Косалс. М.: НЛО, 2023. 636 с. ISBN 9785444821466.

*Дмитрий Козлов, департамент филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия.
dmitrys.kozlov@gmail.com.*

«Посмотри на себя: разве мы дети цветов?» – вопрошала в конце 1980-х себя и своих слушателей рок-певица Умка (Анна Герасимова). За почти сорок лет с момента написания песни ответов на вопрос, чем хиппи в «стране лысого вождя» отличались от своих западных братьев и сестер, было дано немало, но все они, как правило, были предложены далекими от академических исследований авторами. Вал публикаций периода перестройки сейчас представляет интерес скорее как основа для реконструкции попыток комсомольских организаторов, социологов и журналистов выработать язык описания «неформальных объединений молодежи» и определить их отношение к политическим изменениям последних лет советской власти (Громов и Кузин 1990; Троицкий 1991:25–33; Фельдштейн и Радзиховский 1988). В работах антропологов и социологов 1990–2000-х хиппи предстают как хрестоматийный пример из истории молодежной контркультуры – настоящий исследовательский интерес вызвали более современные молодежные группы (Омельченко 2000)¹. Едва ли не единственным исключением является монография антрополога Татьяны Щепанской (2004), зафиксировавшая практики и убеждения представителей Системы² рубежа 1980–1990-х, которые автор наблюдала изнутри тусовки. Растущая временная дистанция от легендарных времен Психодрома, «Сайгона» и Гоголей, видимо, пока еще недостаточно велика для появления исторических исследований. Тем не менее за последние годы появился ряд заметных публикаций, рассматривающих советских хиппи как в контексте транснациональной истории молодежной субкультуры, так и в качестве примеров, характеризующих изменения в советской массовой культуре, молодежной политике, фиксирующих появление новых политических идей и практик (Гордеева 2015; Risch 2005; Swain 2013; Zhuk 2010).

* В рецензии упомянуты Андрей Макаревич и Артемий Троицкий. Министерство юстиции Российской Федерации считает их «киноагентами».

¹ При этом культура хиппи продолжала существовать и в XXI веке, причем не только в виде мемориальных инициатив ветеранов сообщества, но и в качестве своеобразного резервуара образов и практик (культура автостопа, элементы внешнего облика и контркультурного канона, языковые и стилистические эксперименты), использовавшегося в процессе субкультурной социализации представителями постсоветской молодежи, часть из которых ассоциировала себя с хиппи, хотя, как правило, не была включена в социальные сети предыдущих субкультурных поколений.

² Самоназвание сообществ советских хиппи.

Гораздо более богатым и разнообразным является мемуарное наследие Системы. Воспоминания о субкультуре оставили как сами хиппи (Видеманн 2019; Зайцев 2019; Зюзин 2023)³, так и рок-музыканты, соприкоснувшиеся с ней в юности, но реализовавшиеся вне ее рамок (Гаккель 2007; Макаревич 2001). О хипповой юности вспоминают и люди, мало ассоциирующиеся с молодежным бунтом (Арбатова 1999:70–106; Дворкин 2013:60–125; Мостовщиков 2020:16). Именно благодаря мемуарам и сформировался типичный образ советского хиппи, противопоставившего себя не просто скучному и циничному миру «цивилов», но советскому режиму как таковому. Выбирая свободу, хиппи обрекали себя на непонимание со стороны взрослых и агрессию ровесников (гопников и люберов), и – что важнее – на опасное противостояние с комсомолом, милицией и КГБ. Тем не менее, в отличие от другой советской молодежной субкультуры – стиляг, чьи образы были растиражированы ретро-рок-группами в 1980-х и окончательно канонизированы одноименным киномузиклом в 2008 году, советские хиппи находятся на периферии массового культурного воображения. Об этом говорит, например то, что посвященный Системе художественный фильм «Дом Солнца» (режиссер Гарик Сукачев, сценарист Иван Охлобыстин) не окупил затрат на свое создание и не стал заметным событием отечественного кинопроката.

Таким образом, появление исследования, которое предлагало бы систематический взгляд на историю советских хиппи, было и ожидаемым и долгожданным. Книга «Цветы, пробившие асфальт», вышедшая на английском в 2021 году и переведенная на русский язык двумя годами позже, представляет собой итог многолетнего исследовательского проекта, который вела Юлиане Фюрст – одна из самых проникательных западных историков, занимающихся изучением позднесоветского общества. Монографии предшествовала серия публикаций, среди которых наиболее важным является сборник статей «Dropping Out of Socialism» (Fürst and McLellan 2017), предложивший оригинальную концептуальную рамку для анализа истории позднего СССР, и выставка в Музее холодной войны (Wende Museum of the Cold War) в Лос-Анджелесе в 2018 году, во время которой не только материальные артефакты из «советской Хипплиандии», но и некоторые ветераны Системы побывали на легендарной родине субкультуры – в Калифорнии.

Тексты Фюрст всегда отличает высокий уровень анализа исторических источников: архивных документов, прессы и мемуаров. Во время работы над хипповым проектом автор заметно расширила свою источниковую базу, освоив методологию устной истории. В книге представлены свидетельства 135 (!) участников и очевидцев описываемых событий, многие из которых, увы, не дожили до выхода издания в свет. Сохранив для читателей голоса советских хиппи, Фюрст не пытается заглушить собственный и занять «нейтральную» позицию – такая эксплицитная

³ Также стоит упомянуть онлайн-ресурсы, посвященные истории советских хиппи, которые не просто аккумулируют воспоминания, фотографии и художественные тексты разных поколений Системы, но благодаря постоянному обсуждению и комментированию стимулируют меморизацию. Многие из них указаны в важной статье, посвященной проблеме сохранения наследия субкультурных сообществ (Гордеева и Заславская 2016).

саморефлексия привычна для социальных антропологов, но редко используется историками. На страницах книги она не раз проговаривает свою политическую позицию и этические ценности, которые далеко не всегда совпадают с убеждениями ее героев. Она внимательна и строга к своим респондентам, как и к себе самой. Особенно это очевидно в главе «Герла» (с. 537–614), где Фюрст не только реконструирует истории женщин-хиппи внутри достаточно патриархатной субкультуры, но и акцентирует внимание на том, что мужские исторические нарративы зачастую делают женщин невидимыми. В то же время она отмечает интериоризацию патриархатных установок представительницами Системы и рефлексивирует собственную позицию западной женщины-историка, на взгляды которой повлияли и идеи второй волны феминизма, и актуализация дискуссий о положении женщины в свете движения #MeToo.

В этой многоголосице важная партия принадлежит переводчице Ирине Косалс, которая сотрудничала с Фюрст еще при подготовке англоязычного издания (с. 11). Благодаря ее труду все положения исследования звучат на ясном русском языке, а цитаты из отечественных источников не искажены обратным переводом. Сам подзаголовок книги в русском варианте даже более прямо отсылает к названию статьи Генриха Боровика «Хождение в страну “Хиппляндию”». Со знакомства с этим очерком, напечатанном в журнале «Вокруг света» еще в 1968 году, началась не одна хипповая биография (с. 72–73; Макаревич 2001:121).

Отсюда, со второй половины 1960-х, отсчитывается начало коллективной биографии Системы. Внимательная к периодизации советской истории Фюрст определяет время с отставки Никиты Хрущева и до конца десятилетия как «промежуточную эпоху» между оттепелью и застоем (с. 65). В этом «постидеологическом и предзастойном пространстве» еще не сформировались основные культурные и политические практики периода «развитого социализма» (от открытого политического протеста диссидентов до лихорадочного консюмеризма в условиях товарного дефицита), а общественная мобилизация хрущевского десятилетия, хотя и сбавила темпы, не остановилась полностью. Понимание того, что политический режим, общественные настроения и массовая культура не меняются единомоментно после смены государственного лидера, позволяет Фюрст увидеть предпосылки появления советских хиппи не только в контркультурном взрыве на Западе, но и в некоторых феноменах поздней оттепели. Так, она демонстрирует, что первое поколение системной молодежи (те, кто захипповал в 1968–1971 годах) было достаточно близко связано с богемными группами начала 1960-х (с. 78–88) и теми, кто еще в хрущевское время пытался воссоздать на советской почве элементы битничества (с. 96–97).

Другим отечественным источником вдохновения для новой субкультуры были материалы официальной советской печати, рассказывавшие о поисках, протестах и разочарованиях молодежи капиталистического мира (с. 71–78). Статьи вроде упомянутого очерка Боровика, наряду с материалами западной поп-культуры, были важным (а для регионов, не связанных с Западом через туристов или моряков заграничавания, – единственным) источником знания о современной молодежной моде. Фюрст отмечает, что вплоть до начала 1970-х статьи о хиппи в со-

ветской прессе были если не сочувственными, то отмеченными «благожелательной двойственностью» (с. 74) по отношению к западным хиппи. Подчеркивавшийся во многих публикациях антикапиталистический характер молодежного бунта на Западе порой становился своего рода охранной грамотой в случае конфликтов с властями в первый период истории Системы.

Переломным в отношении советской системы к Системе хипповой Фюрст называет начало 1970-х. Радикализация молодежного протеста на Западе, участие длинноволосой молодежи в Пражской весне и сопротивлении войскам Организации Варшавского договора в августе 1968 года, усиление идеологического контроля, связанное с зарождением диссидентства, – все это привело к тому, что КГБ перестал считать хиппи безобидными лентяями и начал видеть в них еще одну группу потенциальных агентов влияния Запада. В условиях усилившихся репрессий меняется социальный состав Системы (все менее заметны в тусовке дети и внуки советского истеблишмента), формируется базовый нарратив о «противостоянии двух систем» и субкультурном образе жизни как политическом вызове советскому режиму. Оставшаяся верной субкультурным ценностям часть Системы «профессионализируется» (глава 3). Все реже хиппование совмещается с какой-либо гражданской деятельностью, а если это и происходит, то занятия выбираются совсем не престижные. Все больше места в ценностной иерархии Системы занимают алкоголь, наркотики и эзотерические духовные поиски. Образ жизни «настоящих» хиппи противопоставляется не только обычным советским гражданам, но и «прихиппованным» участникам тусовки, то есть тем, кто не готов в полной мере посвятить себя субкультурному образу жизни.

Фюрст реконструирует эволюцию первых двух поколений Системы в первой части книги, уделяя особенное внимание поворотным событиям в истории субкультуры и рисуя подробные и психологически убедительные портреты самых ярких ее персонажей: Солнца (Юрия Буракова), Царевны-Лягушки (Светланы Марковой), Азазелло (Анатолия Калабина) и других. Историческая часть завершается концом 1970-х, когда Система окончательно формируется и осознает себя как общество с артикулированными ценностями, сложившимися ритуалами и практиками, общей культурной памятью. Это позволит ей сохранять себя и кооптировать новых членов, как минимум, до конца XX века. Можно было бы попенять автору на то, что за пределами повествования остался конец 1980-х, когда Системе пришлось определять свои отношения с «перестраивающимися» официальными институтами и с новыми политическими организациями, но в логике, выбранной автором, расширение хронологии совершенно необязательно. Если о чем и можно пожалеть, так это о том, что истории, рассказанные в книге, касаются в первую очередь Москвы и ряда городов Украины и балтийских республик. Но без сомнения, исследование Фюрст задавало образец, на который будут ориентироваться авторы работ по истории ленинградских или сибирских хиппи или исследователи паломничества Системы в республики советской Средней Азии. В том, что такие работы появятся, – можно не сомневаться!

Первая часть книги («Краткий курс движения хиппи и его системы в СССР») в целом укладывается в концепцию «выпадения из социализма» (dropping out of

socialism), предложенную Фюрст в ее предыдущих работах и обсуждаемую во введении к рецензируемой книге. Полемизируя с влиятельной книгой Алексея Юрчака (2014), она обращает внимание на то, что далеко не для всех граждан позднего СССР занять позиции «внеаходимости» было безболезненным актом выбора из альтернатив, которые предлагала им советская система. Определяя «концепты выпадения», Фюрст настаивает на том, что «действие, которое совершали хиппи, панки, йоги и диссиденты, – фундаментальным образом отличало их от тех, кто просто рассказывал политические анекдоты на кухнях или слушал дома рок-музыку» (с. 45). По ее мнению, «выпадение» предполагает «преднамеренное действие, осознанность и интеллектуальное и физическое отстранение» (с. 45). Эта точка зрения является важной альтернативой и взглядам на поздний СССР как на «страну возможностей» и концепции «миметического сопротивления», по сути не допускающей возможности вырваться из плена доминирующего официального дискурса (Oushakine 2001). Но главное, принимая возможность выпадения хотя бы как интенции, мы можем посмотреть на процесс формирования субъективности в позднесоветском обществе не только через соотнесение своего «Я» (self) с образцами, предлагаемыми официальной культурой, но и через сознательное их отрицание, а так же через поиск иных образцов. И биографии героев книги Фюрст показывают именно такой вариант индивидуализации.

Однако «Цветы, пробившие асфальт» отнюдь не сводятся к героическому нарративу о нравственном и политическом сопротивлении выпавших из социализма нонконформистов. Критический анализ рассказов хиппи о себе и отчетов официальных органов о субкультурной молодежи позволяет автору книги сделать вывод о том, что отношения между двумя системами не сводились к противостоянию, а «включали в себя отрицание, подражание, враждебность, зависимость, торг, использование и репрессии. [. . .] Их объединяли идеи, основополагающие как для хиппи, так и для советских людей; эти идеи, на первый взгляд, казались враждебными друг другу, но при ближайшем рассмотрении обнаруживали большое сходство» (с. 24). Анализу различных форм этого взаимодействия посвящена вторая часть книги, последовательно рассматривающая базовые концепты идеологии советских хиппи («Мир», «Любовь», «Свобода», «Кайф»), их спиритуальные поиски и специфическую материальную культуру, особенности отношения к наркотикам и психическому здоровью, неоднозначность гендерных и межпоколенческих отношений.

Советский хиппи в книге Фюрст – в первую очередь советский, и только потом – хиппи. Этот подход вполне понятен для исследовательницы, занимающейся историей СССР. Тем более что одна из целей книги – обнаружить влияние субкультуры на позднесоветское общество. Это влияние автор прослеживает, в частности, в том, что хипповая Система выступала своеобразным инструментом, с помощью которого некоторые элементы западной культуры (такие как элементы моды или поп-музыки) становились «неотъемлемой частью сложной структуры позднего советского социализма» (с. 51). Вероятно, так и есть, хотя этот тезис в книге развит слабо.

Задавая вопрос «Почему советских юношей и девушек привлекали такие же ценности, символы и лозунги, которые были близки их западным ровесникам?» (с. 67), Фюрст в первую очередь анализирует те особенности первичной социализации в позднем СССР, которые, с одной стороны, облегчали рецепцию определенных идей, символов и практик, а с другой – трансформировали их, делая специфически советскими. Но что именно в западной, подчеркнуто интернациональной субкультуре было привлекательным для советской молодежи? В чем советские хиппи оставались хиппи и какие ограничения на их поведение и убеждения накладывали субкультурные нормы?

Выстраивание социальных иерархий внутри тусовки – это воспроизводство правил советского коллектива или логика развития любого закрытого сообщества? Что, помимо протеста (против общества потребления – на Западе, против советской идеологии – в СССР), толкает молодых людей и девушек в субкультурные сообщества? Что важнее: различие логистических цепочек наркотрафика и репертуара психоактивных веществ в СССР и США или преувеличенное значение состояния измененного сознания в западной контркультуре 1960–1970-х? Какую роль в специфическом отношении советских хиппи с советской психиатрией играл мотив священного безумия, развивавшийся в западной культуре начиная с эпохи романтизма, а в рок-музыке наиболее ярко представленный творчеством и биографией культового для хиппи музыканта Джима Моррисона? (Он, кстати, – сын контр-адмирала Военно-морских сил США, важно ли учитывать «наследственность», реконструируя его контркультурную биографию, как это делается в отношении хипповавших отпрысков советской номенклатуры вроде внуков Иосифа Сталина и Анастаса Микояна?)

Уверен, что на любой из этих вопросов можно ответить, не вступая в полемику с Фюрст, однако некоторое смягчение детерминизма советскости во второй части книги сделало бы коллективный портрет Системы более нюансированным. Ведь формирование личности человека и логика его поведения зачастую определяются не только обществом, в котором он живет, но и особенностями возраста, отношениями внутри семьи, влиянием значимых других, увлечениями и разочарованиями, свободной волей или своеволием, наконец. Однако, по мнению автора книги, «советскость глубоко проникла в несоветскость хиппи, влияя на их мысли и поступки» (с. 276). Получается, что выпасть из социализма невозможно. Для советских хиппи нет никакой *other side*, на которую мечтали прорваться фанаты группы «The Doors».

При этом, рассуждая о том, «что двигало именно *советскими хиппи*» (с. 271; курсив в оригинале), Фюрст не всегда точно формулирует, что понимается под «советским». С одной стороны, характеризуя позднесоветское общество, она показывает его в исторической динамике, подчеркивая разницу не только между «классическими» историческими периодами, но и демонстрируя важность для анализа меньших, «промежуточных» временных отрезков. Позднесоветское общество, по Фюрст, сложно организовано и включает в себя социальные группы с разными, зачастую противоположными интересами, взаимодействие которых стимулирует изменения общественного устройства. «Цветы, пробившие асфальт» –

важное высказывание не только о молодежной субкультуре, но и «о позднем Советском Союзе, о том, как он работал, о его повседневной реальности и сбивающих с толку противоречиях» (с. 25). С другой стороны, советские ценности, которые автор обнаруживает в габитусе советских хиппи, не просто статичны, но легко укладываются в то, что историк Анна Крылова определила как «великий нарратив застоя» – не вполне доказанную убежденность в том, что комплекс идей и ценностей, сформированный в ходе большевистской революции 1917 года, принципиально не менялся, но только ветшал на протяжении советской истории (Крылова 2016:120). Так, в идеологии советских хиппи обнаруживаются черты, свойственные поколению, к которому принадлежали их дедушки и бабушки: «хиппи были верующими – и мало чем отличались от [. . .] большевиков» (с. 272); они «выросли с представлениями о том, что идеи важнее отдельной личности и что мысли нуждаются в коллективном одобрении» (с. 273). Однако формирование этих установок не проблематизируется, и они выступают в виде «“незыблемых идей” большевизма» (Крылова 2016:120), на понимание которых заметно повлияла концепция Юрия Слезкина (2019) о квазирелигиозном характере идеологии первого поколения русских революционеров.

Взгляды советских хиппи не раз характеризуются в книге как эклектичные (и такое их понимание подтверждается приводимыми в книге свидетельствами), однако стержнем этой «гремучей смеси советской риторики и слегка эксцентричных увлечений» (с. 291), по мнению автора, остается раннесоветский утопизм. Даже в тех случаях, когда Фюрст демонстрирует эволюцию воззрений хиппи, новые идеи, по ее мнению, замещают собой большевизм: «хипповская свобода [. . .] аккуратно заменила собой слово “коммунизм” из марксистского эсхатологического мировоззрения» (с. 298), а один из ярких представителей Системы, Юра-Диверсант (Юрий Попов) в своем манифесте «заменял коммунистическую риторику боевого братства христианской» (с. 308). Утопичность хипповой идеологии нельзя отрицать, но ее источники вряд ли исчерпываются идеями большевиков. В самой книге можно найти влияние и других утопических концепций – от толстовства до наивных подростковых нарративов об идеальном (со)обществе без взрослых (с. 99, 120).

Порой же внимание к наследию 1920-х кажется избыточным для понимания реалий 1970-х. Так, апелляция к идеям Бориса Арватова о новой материальной культуре социализма в седьмой главе книги, как кажется, не придает дополнительной эвристической глубины собственной оригинальной и обоснованной концепции Фюрст о материальном симбиозе Системы и советского общества. Тем более что, по ее же словам, «советские хиппи не знали о радикальном переосмыслении вещей в революционные 1920-е годы и не отождествляли это с аспектом массового производства и потребления (напротив, уникальность вещей была для них очень важным моментом)» (с. 436).

Подобные противоречия, впрочем, неудивительны при попытке привести в систему знания о разношерстных сообществах людей, избегавших любых категоризаций, ценивших оригинальность самовыражения и предпочитавших постигать истину иррационально и во всей полноте («врваться»), а не рассуждать о ней. Без знания об этих героях и героинях позднесоветское общество было бы больше

похоже на картину, нарисованную «красным на сером». Цвета как цвета, но работа с прошлым требует оттенков, полутонов, деталей, неожиданных углов зрения. Фюрст своей книгой, с одной стороны, знакомит нас с «беспечной толпой» этих ищущих, ошибающихся, неудобных, но искренних и обаятельных людей, размечая проблемное поле Soviet hippies studies. С другой стороны, «Цветы, пробившие асфальт» являются важной вехой в магистральной историографической дискуссии о том, кто такой «советский человек», сколько у него лиц и может ли индивид освободиться от влияния советского общества и языка, стать послом чего-то иного в неритмичной стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбатова, Мария. 1999. *Мне 40 лет*. . . М.: Захаров.
- Видеманн, Владимир. 2019. *Запрещенный Союз: Хиппи, мистики, диссиденты*. СПб.: Пальмира.
- Гаккель, Всеволод. 2007. *Аквариум как способ ухода за теннисным кортом*. СПб.: Амфора.
- Гордеева, Ирина. 2015. «“Свобода: Журнал Системы”: из истории пацифистского самиздата в России». *Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах* 2(3):90–105.
- Гордеева, Ирина и Ольга Заславская. 2016. «Хиппи бросают вызов историкам: Современные проблемы собирания и публикации документов по истории новых социальных движений». *Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и Архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность»* 4(6):61–78.
- Громов, Андрей и Олег Кузин. 1990. *Неформалы: кто есть кто?* М.: Мысль.
- Дворкин, Александр. 2013. *Моя Америка. Автобиографический роман в двух книгах с прологом и двумя эпилогами*. Нижний Новгород: Христианская библиотека.
- Зайцев, Геннадий. 2019. *Хроника прошедших событий*. СПб.: Гйоль.
- Зюзин, Виталий. 2023. *Хиппи в СССР, 1983–1988: Мои похождения и были*. М.: НЛО.
- Крылова, Анна. 2016. «“Советская современность”. Стивен Коткин и парадоксы американской историографии». *Неприкосновенный запас* 4(108):118–136.
- Макаревич, Андрей. 2001. «Сам овца». *Автобиографическая проза*. М.: Захаров.
- Мостовщиков, Сергей. 2020. «“Любовь – она просто есть. . .”: интервью с прот. Алексием Уминским». *Новая газета*, 10 июня, с. 16–17.
- Омельченко, Елена. 2000. *Молодежные культуры и субкультуры*. М.: Институт социологии РАН.
- Слезкин, Юрий. 2019. *Дом правительства. Сага о русской революции*. М.: АСТ, Corpus.
- Троицкий, Артемий. 1991. *Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е*. . . М.: Искусство.
- Фельдштейн, Давид и Леонид Радзиховский, отв. ред. 1988. *Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений. Сборник научных трудов*. М.: АПН СССР.
- Щепанская, Татьяна. 2004. *Система: тексты и традиции субкультуры*. М.: ОГИ.
- Юрчак, Алексей. 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: НЛО.
- Fürst, Juliane, and Josie McLellan. 2017. *Dropping Out of Socialism: The Creation of Alternative Spheres in the Soviet Bloc*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Oushakine, Serguei. 2001. “The Terrifying Mimicry of Samizdat.” *Public Culture* 13(2):191–214.
- Risch, William Jay. 2005. “Soviet ‘Flower Children’: Hippies and the Youth Counter-Culture in 1970s L’viv.” *Journal of Contemporary History* 40(3):565–584.
- Swain, Amanda Jeanne. 2013. “From the Big Screen to the Streets of Kaunas: Youth Cultural Practices and Communist Party Discourse in Soviet Lithuania.” *Cahiers Du Monde Russe* 54(3–4):467–490.
- Zhuk, Sergei I. 2010. *Rock and Roll in a Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dniepropetrovsk, 1960–1985*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.